

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 28 (2901)

Вторник, 4 марта 1952 г.

Цена 40 коп.

Открытие памятника Н. В. Гоголю в Москве

Иное мартовское небо простерло над Москвой свой голубой полог. Под лучами предвещенного солнца искрится снег...

Фигура Гоголя на высоком гранитном постаменте с высеченными золотом словами: «Великому русскому художнику слова Николаю Васильевичу Гоголю...»

к се думам и песням, к ее чарующей преледе говорил от имени украинских писателей и ученых в своей речи А. Корнейчук. Он говорил о том, как много сделал Гоголь своим творчеством для укрепления...

Над меховыми шапками и пуховыми платками колышутся в поднятых руках по-особенному яркие и такие неожиданные в этот зимний день букеты живых цветов. И такие же яркие, как эти цветы, раскраснелись на зимнем ветру лица детей, юношей и девушек...

Величественный образ художника с глубоким и ясным взором, устремленным вперед, к своим потомкам, в будущее своего народа, богатырскую силу которого он воспрел с таким вдохновением и поэтичностью, этот образ, созданный скульптором Н. Томским, как бы воплощает в себе слова, сказанные писателем в расцвете его славы: «Блажусь, у меня цель высшая!»

Настало время, когда новая Советская Россия вместе с народами-братьями, объединенными навеки нерушимой сталинской дружбой, указывает светлый путь к счастливой жизни всем народам и всем народам мира. И на этот великий и светлый путь, открытый для всех трудящихся земного шара гениями человечества Лениным и Сталиным, вышли народы Китая и народов ряда стран Европы, строящие на своей земле социализм.

По выражению Герцена, Гоголь «принадлежал к народу по своим вкусам и по складу своего ума». Да, ныне, больше чем когда-либо, Гоголь принадлежит народу, так высоко поднимающему его имя, его славу и его слово! Признание гения и признательность его таланту получили ныне еще одно вещественное выражение любви советского народа к Гоголю — в новом памятнике, воздвигнутом великому писателю Советским Правительством.

— Кажется, не один век, а целая глыба геологического времени отделяет нас от эпохи Николая Гоголя, — говорит Л. Леонов. — Но, как и делам нашим, нам бесконечно близок этот вдохновенный поэт за то, что в темную ночь России помог народу осознать свое величие, свою богатырскую стойкость, простору своего завтра, всю красоту ту торжественной, то разлившейся русской речи. Мы любим его за сыновнюю преданность Отчизне, за глубину проникновения в тайники народной жизни, за разлитый в его страницах неугасимый пламень, потрепанный испепеляющей силой врагов и согревающий наших друзей. Многие поколения подряд вдохновлял его великий образ русской тройки, гениальное прозрение будущего, выраженное в скупых словах неповторимой силы. Дети наших дней с тем же благоговейным восхищением будут читать про нее, как про обоженную с небом молнию, про вихри, влетевшие в гривы ее коней, про вихри, разорвавшие ее в кольца и становящийся ветром... Молдость наша, перешагнувшая границы будущего, бережно хранит в своей памяти имя Николая Гоголя. В величавом разбеге сталинского маршрута она все выше поднимается по ступенькам новых университетов, гидростанций, заводов... И книжки Гоголя лежат вместе с инструментом в ее походном рабочем полумске. Все яростнее наступает утро человечества, и вот уже видно в расцветной дыме, что не одна русская, а уже добрый десяток бойких, необгонимых троек несется в социалистическую даль, по столбовому тракту человеческого счастья.

— Мечтал Гоголь о том времени, когда «Европа придет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости...» Мы, советские люди, — заявил А. Корнейчук, — счастливы, что живем в эпоху великого Сталина, когда мудрость строителей коммунизма, мудрость и гений Ленина и Сталина светят путеводной звездой народам не только Европы, но всего мира!

Писатели, ученые, деятели искусства, представители партийных и общественных организаций, трудящиеся, студенчество столицы собрались у подножия памятника. Прибыли иностранные гости — писатели и деятели культуры зарубежных стран.

Ровно в три часа дня прозвучали над притихшей площадью слова Николая Тихонова, открывшего митинг. Случайная речь Н. Тихонова, читая внешне слова Гоголя, начертанные на плакатах у трибуны: «Мысли мои, мое имя, мой труд будут принадлежать России!» — каждый видит перед собой образ писателя, чей прекрасный талант, проникнутый истинным патриотизмом и любовью к Отчизне, столько лет спял на небосклоне нашей литературы. ...Н. Тихонов подходит к монументу, все еще окутанному белым холстом, и разрезает шнур, скрепляющий покрывало. Покрывало падает, обнажая бронзовую

Торжественно звучит над площадью Государственный Гимн Советского Союза. Люди устремлены к памятнику любимого писателя. И в мгновение гранитные ступени подступают доверку покрывающей яркой мозаикой живых цветов. Огромный яростный от трудящихся Киевского района, цветы от заводов и фабрик, от вузов и школ. А рядом — несколько веточек свежей мимозы, которые только что положила на ступени женщина, смущенная, виноватая, скромным даром любимому художнику. Тут же мужчина осторожно освобождает корзину белых и красных тюльпанов, которые он бережно окутал бумагой, чтобы они подольше сохранили свою свежесть. Много было народа — в день открытия памятника и вчера — на Гоголевском бульваре. Москвичи приносят новые и новые цветы к подножию памятника великому писателю.

Гоголь жив среди нас и сегодня: в любом уголке советской земли и далеко за ее пределами звучит, не умолкая, его чудесная певучая речь. После революции в нашей стране произведения великого народного певца издавались на 38 языках и составили 21 миллион экземпляров. Они вышли на языках народов всех союзных республик, а также на татарском, башкирском, бурят-монгольском, коми (два наречия), марийском (луговом и горном), мордовском (мошна и эрзя), осетинском, удмуртском, чувашском, якутском и др.

Украина. Только за последние два месяца — январь и февраль 1952 г. — продано около 760.000 экземпляров произведений Гоголя, в их числе пять названий на русском языке и двенадцать на украинском в новых переводах. «Держити дух» выстали к юбилейным дням более полумиллиона экземпляров гоголевских произведений. Азербайджан. Первое произведение Гоголя — «Ревизор» — было переведено на азербайджанский язык в 1891 году. Пятьдесят лет назад группа прогрессивных азербайджанских артистов осуществила и первую постановку этой комедии. Вслед за тем были переведены «Женитьба», «Шинель». Однако только в годы советской власти азербайджанский народ получил возможность широко познакомиться с замечательными творениями Гоголя. В январе и феврале 1952 года продано свыше десяти тысяч книг Гоголя, изданных на азербайджанском языке, и более семи тысяч экземпляров — на русском языке.

Узбекистан. В январе и феврале продано более 100 тысяч экземпляров книг Гоголя, из них 75 тысяч — на узбекском языке. Литва. В Клайпедской области 50 колхозных кружков художественной самодеятельности подготовили в эти дни постановку в языке впервые был издан в 1911 году. Следующее издание появилось только через 23 года — в 1934 году. В течение почти ста лет после написания «Мертвых душ» они не были известны литовскому народу: первое издание вышло в 1938 году. А за последние пять лет «Ревизор» и «Тарас Бульба» издавались в Литве три раза, «Мертвые души» — два раза. Накануне гоголевских торжеств в продажу поступил одноименный избранный произведений писателя.

Латвия. В послевоенные годы Латвийское государственное издательство выпустило в свет четыре издания «Тараса Бульбы» на латвийском языке и одно — на русском. За последние два месяца в Латвии продано гоголевских произведений на 104 тысячи рублей. Юбилейные издания произведений Гоголя вышли в эти дни во всех союзных республиках.

Зарубежные деятели культуры в гостях у советских писателей

В Советский Союз приехали деятели культуры ряда стран, чтобы принять участие в чествовании памяти великого русского писателя Н. В. Гоголя.

Вчера, 3 марта, гости встретились с советскими литераторами. От имени Всесоюзного комитета по проведению 100-летия со дня смерти Н. В. Гоголя принимавший участие в приеме А. Е. Корнейчук, известный писатель, рассказал об огромной популярности произведений гениального русского художника слова за рубежом. В Советском Союзе, сказал Поль Эльмар, все знают и читают книгу Гюго «Отверженные», во Франции широко распространение имеет «Тарас Бульба» Гоголя. Это — свидетельство того, что корни творчества обоих писателей глубоко уходят в толщу народного.

Зора Есенка, автор перевода на чешский язык поэмы «Мертвые души», сообщила о том, как отмечается памятная дата в Чехословакии, где Гоголь — один из любимых писателей. Гоголь учит нас бороться за то, чтобы никто больше не мог торговать ни живыми, ни мертвыми душами; сказала она.

Президент Германской академии искусств Арнольд Швейцарский об издании произведений Н. В. Гоголя в Германской Демократической Республике. Перед нами стоит задача, заявил он, создать новую демократическую культуру, какой не было в нашей стране. В этом нам поможет вся русская литература и в том числе Гоголь. Принявший участие в беседе английский писатель И. Д. Олдридж отметил, что сегодняшняя встреча писателей разных стран — встреча подлинных друзей.

Писательница Дин Лин преподнесла в дар советским литераторам портрет Н. В. Гоголя, выполненный китайскими художниками, его книги на китайском языке, вышедшие к памятной дате.

Новые гоголевские издания, выпущенные в Монгольской Народной Республике, вручил Дамдин Сурэн. Правуч Виктор Гого — Ж. Гюго подарил редкое издание произведений великого французского писателя, вышедшее в 1854 году.

На встрече также присутствовали Шао Юй (Китай), Ли Ги Эн (Корейская Народная Демократическая Республика), Николай Морару (Румыния), Леон Круковский (Польша), Петер Вереш (Венгрия), президент Болгарской академии наук Годор Павлов, Мартти Карьяла-Меренмаа (Финляндия).

В беседе приняли участие А. Сурков, Л. Леонов, А. Софронюк, И. Анисимов, В. Ермилов и другие.

В Нежине

КИЕВ. (Наш корр.). 1 и 2 марта в Нежине — городе, где великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь учился в течение семи лет, состоялся пленум правления ССП Украины.

Пленум открыл заместитель председателя правления ССПУ Л. Дмитриев. С докладом «Н. В. Гоголь — великий классик русской литературы» выступил заместитель директора Института литературы имени Шевченко Академии наук УССР Д. Чалый. 2 марта при большом стечении народа состоялся митинг перед памятником Н. В. Гоголю, установленным в Нежинском городском парке. Студенты, рабочие нежинских предприятий и колхозники возложили многочисленные венки.

Днем пленум продолжал свою работу. Были заслушаны доклады А. Полторацкого — «Н. В. Гоголь — певец нерушимой дружбы русского и украинского народов», Г. Гомон — «Язык сочинения произведений Н. В. Гоголя». В. Вобковой — «Гоголь и украинское народно-поэтическое творчество». Г. Васильковского — «Мировое значение Н. В. Гоголя».

С речью, посвященной значению творчества Н. В. Гоголя для нашего времени, выступил действительный член Академии наук УССР Л. Булаховский.

ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ ХУДОЖНИКУ СЛОВА НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО СОЮЗА 2 марта 1952 года

Великий русский художник слова

Товарищи! Сегодня мы собрались здесь для торжественного открытия памятника великому русскому писателю, великому художнику слова — Николаю Васильевичу Гоголю.

Могучий создатель галереи бессмертных литературных образов, «он первый взглянул смело и прямо на русскую действительность», «стал русским национальным поэтом во всем пространстве этого слова». Чернышевский назвал целый период русской литературы гоголевским периодом.

Сто лет прошло со дня смерти Гоголя, но все так же ярко и сильно звучат страницы Гоголя, посвященные описанию русской жизни, не увидев краски его неповторимых пейзажей, не умер его богатый, меткий язык, не исчезла сила его разящего смеха, его беспощадной сатиры.

Современники поражались его творческому размаху, глубокой правде, величайшей любви к человеку. Он всем сердцем верил, что русский народ, который он изображал в делях темного крепостничества, изображал бесконечно талантливым, красивым, добрым и сильным, этот народ вынесет все испытания, все мучения и выйдет на широкий простор, и ничто его не остановит. Он восклицал: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы переселила русскую силу!»

Он напечатал в одном из своих произведений: «...вдруг стало видно далеко во все концы света». Вот и пришло такое время, и мы с высоты, на которую поднялся советский народ, видим преобразившую родину нашу землю и людей, населяющих ее.

Видим мы просторы наших гигантских коммунистических строек, просторы наши сделанных морей, просторы наши нассаженных лесов, просторы наши созданных городов и колодезов.

Предвизия будущей родной земли, восклицал Гоголь: «Что прочтат сей необятный простор? Здесь ли, в тебе ли не ро-

Митинг у могилы писателя

Белый мраморный бюст на черном гранитном постаменте далеко виден среди деревьев, надгробий, оград Новодевичьего кладбища в Москве. На постаменте, по глубокому черному полю золотом высечены слова: «Великому русскому художнику слова Николаю Васильевичу Гоголю от Правительства Советского Союза. 9 сентября 1951 года».

Вчера у могилы П. В. Гоголя состоялся митинг столичной общественности, посвященный столетию со дня смерти писателя. К месту погребения Н. В. Гоголя собрались писатели, ученые, представители московских предприятий, высших учебных заведений, иностранные гости. На могилу были возложены венки.

...К чугунной решетке, ограждающей памятник, подходит академик В. Вишegradов. Он открывает митинг. От имени Союза советских писателей

Николай ТИХОНОВ

даться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатыря, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?»

И богатыри Сталинского века, века нового рождения человечества, превратили ати некогда сичные просторы в просторы, наполненные жизнью, кипящие творческой энергией, населенные небожителями, могучим народом, освещенные светом великих идей Ленина — Сталина.

По-новому воспринимают люди социалистического общества творения народных гениев прошлых времен, помогавшие освободительной борьбе народа, любовью новых поколений свободных людей окружают дорогие имена.

«Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня...» — грустно писал Гоголь, но в этой грусти дышала радостная надежда на будущее.

«Это будущее пришло! Имя Гоголя повторяют ныне все народы нашей многонациональной Родины и народы за рубежами нашей страны, все свободолюбивые люди мира, потому что это наше торжество объединяет передовых деятелей культуры, борючис за мир, за дружбу между народами, так как творения Гоголя есть богатейшее достояние всего человечества.

И сегодня мы испытываем гордость и радость, что в нашей любимой, замечательной, прекрасной нашей столице — Москве встанет Гоголь, закреплённый в образе, созданном новым — советским искусством, Гоголь, которому мы сегодня приносим нашу любовь и благодарность.

Пусть вечно красуется этот памятник, вечно будут жить вдохновенные творения Гоголя в памяти потомства!

Вслед за Гоголем пришли другие могучие писатели, продолжая начатое им. Новые таланты, писатели, вышедшие из Советского народа, из социалистического общества, создают новые произведения, достойные славы эпохи, носящей имя великого Сталина!

От имени Совета Министров СССР открываю памятник великому художнику слова, великому русскому писателю — Николаю Васильевичу Гоголю!

СССР выступил В. Катаев. Он сказал: «...В мире стяжательства и чистаго на гоголевские персонажи не только живы, но и выросли до чудовищных размеров, — эти исчадия изыскующего капитализма. Ежедневно на весь земной шар, громко, но безарно врет Хлестаков из «Гоголя Америки». Грязный уоластрировский стяжатель и спекулянт мистер Чичиков рыщет по свету, скупая по дешевке мертвые души. Ломает мебель и наступают на ноги грубое животное — пентагонский генерал Собакевич. Шумит атлантический Поэдрев. И римско-католическая Коробочка выезжает в своем колотном роль-ройсе на мировую биржу, чтобы узачить, не продешевила ли она, продавая за пушечное мясо своих верующих.

Федор ГЛАДКОВ

чтобы загнать его в застенки и накинуть петлю на шею. Но огонь народного гнева горел и во тьме: он был неугасим и часто разгорался пламенем восстаний. Рос, множился, копил силы рабочий класс, росла сила могучая партия, близился день последних и решительных боев. И в этом накоплении и организации революционных сил Гоголь был нашим союзником: он воспитывал в нас своими художественными созданиями гордость за русский народ, за его выносливость, за величие духа, за его героизм, трудолюбие, талантливость и здоровый оптимизм.

И все же Гоголь не устоял против ужаса современной ему действительности. Беда его была в том, что в нем боролось две противоречивые силы: он реался вперед, а его затягивало назад. Выросший в условиях крепостничества в помещичьего быта, он все в себе гнетущие пережитки своего класса. Пушкин силой своего светлого гения направил его по пути самооблагодия и служения народу. Но в последние годы своей жизни Гоголь растерялся: он не в состоянии был противостоять лживой власти мертвых душ, которые терзали его, как кошмар, и ужас помирал его разум. Толпа этих чудовищ, окружающих преисполного Виза, помешала Гоголю соединиться с такими замечательными людьми его времени, истинными демократами, как Белинский, Герцен, Огарев, за которыми шла вся прогрессивная часть русского общества. Только среди таких людей он мог найти себе положительного героя, которого он искал, как выхода из безалазного тупика. Он упал духом, смирился и преклонил колени перед кнутом Николая Палкина и мертвизны церковным иракобием. В этом была его страшная трагедия и гибель. Гневный голос Белинского против отступничества Гоголя был в то же время глубокой скорбью о падении великого писателя. Белинский защищал Гоголя, автора книг, которыми зачитывалась вся передовая Россия, — от Гоголя — автора «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Карачюкая сатира Гоголя читала жгучую ненависть народа к своим поработителям и укрепляла силы революционных борючис. Он расшатывала вековые устои мертвящего деспотизма. Грозный суд народа над своими угнетателями и палачами имел в лице Гоголя страшного свидетеля и прокурора. Каждая страница его книг — потрясающий обвинительный акт против правящей шайки злодеев, тюремщиков, вракобесов, душителей свободной мысли и творческой воли.

Гоголь существовал нам в нашей революционной борьбе: он всюду, на каждом шагу напоминал нам, что Держиморда — великун: он не свониг с нас вдерманного ока и на улице, и на работе, и в нашем жилье: он залазает в душу, контролирует мысли и чувства человека, кандидата филологических наук Е. С. Мирновой Чикиной. «Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» и кандидата филологических наук С. И. Машинского «Н. В. Гоголь и В. Г. Белинский».

Брошюры о Гоголе

В ближайшее время общество выпускает в свет еще одну брошюру — «Реализм Н. В. Гоголя» — кандидата филологических наук Н. М. Онуфриева

Гоголь — наш современник.

Для нас, советских людей, строящих лучезарный мир человеческого счастья в окружении свирепых, кровавых врагов — империалистических хищников и фашистских злодеев, фабрикующих золото из крови трудящихся и мечтающих о всеобщем концлагере для народов, лучшие творения Гоголя являются злободневными. Американские Чичиковы и Ноздревы, Держиморды и Ляпкины-Тяпкины с наглешим дияволом злодеев огнем и кровью старуют познничать себе или истребить свободные народы, превратив людей в покорных бездушных болванов. Гоголь жив, он и сейчас как бы говорит нам: остерегайтесь! Мертвые души несут смерть живым, ради живых, ради золота, залитого кровью, которым набиваются карманы Пашонкиных из Уола-стрита. Эта кровь льется в Корею, во Вьетнаме, в Малайе, в Греции, поработавшие не только колониальные народы, но и трудящиеся Западной Европы и других континентов. Мы по-своему слышим голос Гоголя: организуйтесь для защиты всеобщего мира и сотрудничества народов против мировых рабобойников и поджигателей войны! Торжми человеческой кровью Чичиковы и Собакевичи в палачи Держиморды не должны избежать страшной мести — грозного суда миролюбивого человечества.

Советская литература, самая правдивая и передовая, многим обязана творчеству Гоголя. Народность его художественных произведений, неотражимая сила типических обобщений, поразительная красочность, образность, зловонность в объеме его языка служат образцом высокого искусства. Славная гоголевская традиция для нас очень дорога. В творческой биографии каждого нашего писателя Гоголь оставил неузгасимый след. Гоголь — бессмертен.

Он напоминает каждый день и нам, что есть много пережитков старого в сознании наших людей. Еще встречаются и в нашей советской действительности и тупой бюрократизм, и своеобразные, и беззаботная маньяловщина, и хлестаковщина, и карьеризм. В этом отношении Гоголь живет среди нас, как обличитель недостатков и пережитков, как призыв к строгой самокритике и самопроверке.

Гоголь — наш современник.

Уничтожающий смех

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Премудрый Аммос Федорович спрашивает в предпоследней сцене «Ревизора»:

— Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Вопрос естественный. По поводу в комедии ответа на него не дает. А ответ ясен. Оплошали, повзрели болтунам Бобчинскому и Добчинскому, потому что смертельно перепугались, впали в панику, потеряли всякое чувство реального, сочувствия приняла за важного человека. Но откуда же такой всеобщий панический переполох?

Можно подумать: чиновники испугались, что откроются все их грехи и преступления. Но, пожалуй, только у горожанина были основания бояться, что обнаружится растрата сумм, предназначенных на церковь. Что же касается того, что он брат великий, выскочек-офицерского влыву и не слыша за честной улич, то все это, по понятиям того времени, были не преступления и даже не грехи, а так, мелкие провинности и упущения.

Но горючий хоть казенные суммы забрал, — прочие же чиновники чем особенно провинились? По понятиям того времени, решительно ничем. А Бобчинский с Добчинским даже не чиновники. Между тем перепугались все чиновники и не чиновники, их жены, их дочери так, словно в дворян неожиданном предстал перед ними не жандром от ревизора, а вестник смерти, конца.

И действительно, пришла конец им всем. Такова знаменитая сцена, в которой Гоголь придает исключительное значение. Это не временное замешательство в поспешной сцене, даже не столбняк, который проходит. Это — конец. Вся группа «остается в окаменении» — так сказано в авторской ремарке. Она не оживает и не может ожить.

Обреченность — вот что скрыто в страхе чиновников, чувствующих, что на них нависло нечто грозное, непонятное, необычное, перед чем действительные привычные средства. Та же обреченность, кстати, есть и в финале первого тома «Мертвых душ», где всеобщая растерянность губернских чиновников, вызванная сумасшедшим «мертвым душой», никак не может быть объяснена ожиданием приезда генерал-губернатора. Прокруст даже не вынес тягостного чувства этой обреченности и помер. И в «Мертвых душах» подготавливается такой же конец, как и в «Ревизоре». Царство Чичиковых и Собакевичей должно «свалиться» или окаменеть.

Когда чиновники увидели, что просто-вольными, что Хлестаков не «настающий», то все они смеялись над горючим. Сто с лишком лет назад смеялись чиновники на сцене, смеялись чиновники в партере, смеялся царь Николай I в своей ложе, смеялись купцы — те же Абдуллины в ярусах, смеялись разотпущенны на галерке и в райке. Горючий бросил чиновникам на сцене, и чиновникам в партере, и самому царю: «Чему смеетесь? Над собою смеетесь!.. Ох, вы!» Но потом застыли улыбки на окаменевших лицах, а еще прошли десятилетия, и застыл смех на лицах зрителей из партера, и на лицах их прямых потомков. Смешная комедия обернулась, как революционная.

Мы находим у Маркса замечательные слова о социально-историческом значении комедии и веселого смеха. Он писал в работе «К критике гегелевской философии права»: «История действует основательно и приходит через множество фазисов, когда несет в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия... Зачем так движется история? Зачем, чтобы человечество смеялось расставало со своим прошлым. Этого веселого исторического назначения мы требуем для политических властей Германии». Маркс писал о порядках полупрофедальной Германии: «...надо заставить плясать эти окаменевшие порядки, напевая им их собственные мелодии! Надо, чтобы народ испугался себя самого, чтобы вызвать в нем отчаяние».

То веселое всемирно-историческое назначение, которого Маркс требовал для окаменевшей Германии, Гоголь осуществил для крепостнической России. Он заставил плясать порядки и людей крепостнической России. Русские переделовые люди расмеялись над перепуганными чиновниками, — это было начало освобождения от страха перед чиновниками.

О ЯЗЫКЕ ГОГОЛЯ-САТИРИКА

Акад. В. ВИНОГРАДОВ

Гоголь стремился к тому, чтобы в его творчестве живо и метко слово отразило, «как в зеркале, предмет». В языке Гоголя весь смысловой строй слова приходил в движение и сиял яркими красками художественной выразительности. Тонкие смысловые оттенки слова, его стилистические нюансы, его связи с параллельными, синонимическими выражениями, его звуковые переключки с другими словами далекого значения (омонимии) — все это учитывалось Гоголем и активно использовалось для художественно-образных целей. Все эти потенциальные выразительные ресурсы слова служили великому художнику средством воплощения идейного замысла.

Очень часто Гоголь для сатирического обличения и разоблачения изображаемой социальной среды прибегал к каламбурному обложению самых важных, основных для ее миропонимания слов и терминов. Таково, например, слово «место» для чиновников в мире мертвых душ.

В соответствии с принципом обобщения, очень существенным для гоголевского стиля, гугерские чиновники в «Мертвых душах» изображаются в виде двух контрастных яров образов: «одни толстые, которые все увидали около толстые... Другой род мужчин составляли тонкие, или так же, как Чичиков, т. е. не так, что сдлинком толстые, однако же и не тонкие. Эти напротив того косялись и пытались от дам...».

Для тонких мысль о месте не характерна. «Уши! толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тонкие. Тонкие же служат только по особенным поручениям или только числятся и выдают туза и сола». У них нет оселого места: «их существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно». Напротив, социальная сущность толстых определяется их отношением к месту. Гоголь каламбурно стилизует два значения слова «место»: «должность и пространство, занимаемое кем-нибудь (например, когда он сидит): «Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если садят где, то садят наскоро и крепко, так что скорей место затреплет и утнется под ними, а уж они не слетят».

Тот же принцип каламбурного стилирования двух разных значений слова «история» является Гоголем в основу характера Ноздрева: «Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилась без истории». В это сложное ироническое сплетение смыслов влекло и те оттенки значений, которые были связаны с устойчивыми выражениями — исторический человек, историческая личность.

Для изображения Ноздрева Гоголь воспользовался и другим видом каламбурного словоупотребления. Подвергнув этимологическому переосмыслению жаргонный шулерский термин — переделка, он применил его в чисто физическом, конкретном смысле (в смысле — потасовка) по отношению к — знаменитым — ноздревским бакенбартам.

«В картинках... играл он не совсем безгрешно и чисто, зная много разных переделок и других тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали переделку его густым и очень хорошим бакенбартам...».

И приключение Чичикова с Ноздревым пародировано Гоголем при помощи очень едкого и острого сатирического приема каламбурного отстранения метафоры, разоблачения ее риторического несоответствия реальной подлинной действительности. После сравнения Ноздрева, готового броситься на Чичикова, с подступившим под непреступную крепость поручиком, Гоголь обнажает неполное соответствие этого сравнения изображаемому эпизоду.

«Но если Ноздрев выразил собою подступившего по крепость отчаянного, потерпевшего поручика, то крепость, на которую он шел, никак не была похожа на непреступную. Напротив, крепость чувствовала такой страх, что душа ее сироталась в самые пятки».

Прим сопоставления прямого и переносного значений, как основа каламбура, Гоголем применяется нередко. Например: «...они встретили на улице мужика, который... так зевнул, что переулгал даже старостиних индек. Зевота была видна на всех строениях. Крыши также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул». Здесь

сопоставлены и слиты в один обобщенный образ два разных значения глагола «зевать» — звать и резать рот.

Каламбур в языке Гоголя бывает связан также с возрождением образного или первоначального значения в слове. Почти всегда этот прием служит для обострения и подчеркивания комического несоответствия или комической несообразности. Например: «Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением».

Но, пожалуй, самым острым и разительным приемом каламбурного словоупотребления в языке Гоголя является прием слияния омонимов (т. е. слов разных, но совпадающих по своей звуковой форме) или нежелательной замены одного слова другим — омонимичным.

Так, в «Мертвых душах», защищая свободу художественного употребления любого народного слова, автор обрушивается на антинародный жаргон так называемого «высшего общества»: «...если слово из устичи пошло в книгу, не писателю виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первые не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, налезают в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем как высказательство! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, словом, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вглубь с облаков, обработанных как слезы, и шел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да вытравить его». Так в результате каламбурного слияния звуковой формы, язык слов и язык во рту совпали.

Точно так же Гоголь поступил с впервые упомянутым в широком литературном обороте словом «кулак», которое приобрело потом глубокий историко-социологический смысл, ставши обозначением одного из гнуснейших порождений капитализма. Это слово возникло в жаргоне офеней, торговцев, разбавлявших со своим товаром по деревням и наживавших на нем, без жалости и жестокости, большие деньги. Гоголь применил это слово к образу Собакевича и вложил его в речь Чичикова (тоже кулак), но более широкого и тонкого кулака: «...вот уж, точно, как говорят, недаром скрепел, да крепко шпнт!..» «Ролился ли ты уж так медведом, или омеделела тебя захолустная жизнь, хлебные посевы, возня с мужиками, и ты чрез них сделался то, что называют человек-кулак?» Таким образом Гоголь впервые в русской художественной литературе выводит тип кулака и вводит в русский литературный язык слово «кулак», затем получившее широкую известность. Это новое литературное слово Гоголь каламбурно сблизил со словом «кулак» в значении — кисть руки, скажата для удара. Несомненно, что — разные слова, омонимии. То обстоятельство, что иногда эти слова ошибочно в толковых словарях русского языка помещаются под одним именем (например, в словаре под редакцией Д. П. Ушакова), следует отнести к числу печальных недоразумений. Гоголь же, каламбурно слиявши эти два слова, заставляет Чичикова изречь целый ряд афоризмов: «Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладони! А разогни кулаку один или два пальца, вылет еще хуже».

Легко заметить, что прием каламбурных сближений слов органически входит в общую систему сатирического стиля Гоголя. Произнесенное метко, по словам Гоголя, «все равно что писанное, не вырубившееся топором. А уж куда бывает метко все то, что вышло из глубины Руси...» Каламбур в том смысле, как его понимал Гоголь, и в тех функциях, в которых он применял Гоголь, является характерным признаком народного русского стиля. Он находит широкое применение в народных загадках, поговорках и пословицах (например: «черного кобеля не вымоешь до-бела»; «молодец на овец, а на молодца сам овца» и т. п.). Русские пословицы Гоголь считал наиболее ярким воплощением национально-русского стиля. «Сверх полноты мыслей», говорил Гоголь, — уже в самом образе выражения в них отразилось много народных свойств наших; в них все есть: издевка, насмешка, попрек, слух — все шевелящее и задирающее за живое».

Гоголь, прочитанный впервые

С. МАРШАК

Контраст между людьми «труда и пота» и ожиревшим дармоедом — в теплом картузе и с бумагами подмышкой — не подчеркнут Гоголем, он возникает сам собой по ходу рассказа, и тем сильнее его воздействие на воображение читателя, прикоснувшегося к этой книге впервые.

В годы нашего детства у нас еще нет никакого житейского опыта, а мы уже чувствуем, как правдивы и устойчивы образы гоголевских людей, картины гоголевской природы.

Читая Гоголя, мы верим даже тому, что «редкая птица долетит до середины Днепра», как с веселой дерзостью, в пылу вдохновения, утверждает автор.

Что ж, пусть это не тот Днепр, который можно измерить сажнями и метрами, но маленькая поэма в прозе, написанная молодым Гоголем, заставляет нас с детства полюбить «величкую ширину» сказочно-неизмеримого Днепра.

Кому не случалось испытать наслаждение от быстрой езды, но никогда при этом у нас так не захватывало дух, как при чтении гоголевской «Тройки» — этих немногочисленных строчек, которые давят нас и омушене бегущей под колесами лошадей дороге, и образ нашей необъятной родины, и предчувствие ее ослепительного будущего.

В первые годы нынешнего столетия — особенно в реакционный пору, последовавшую за девятью летним годом, — людям моего поколения пришлось прочесть немало статей и книг, в которых гоголевская фантастика отрывалась от ее крепкой народной основы, от живой русской действительности, и пыталась своей сатирической остротой, идейной содержанием.

Поню же даже такие жемсследования, где гоголевский «Нос» всевозвратовался в сопоставлении с носом, упоминаемым у Гете в одной из глав «Вильгельма Мейстера», в сказке Гауфа «Барли-нос» и еще у каких-то писателей.

Подлинная глубина и правда Гоголя поменялась мимой и прязрачной глубиной. Нарисованные им фигуры, тесно связанные с реальностью, превращались в туманные символы.

Но и в эту смутную пору многих из нас предохраняло от влияния такого рода толкователей не только статьи Белинского, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, но и наши первые юношеские впечатления, навсегда оставившие у нас в душе живые, вполне реальные образы.

Образы эти росли вместе с нами. С каждым годом становилась они для нас глубже и значительнее.

А всевозможные превратные толкования, пытавшиеся оторвать Гоголя от родной почвы, лишить его жизненной правды, исцелили бесславно, как исцеляют облака, на мгновение застывающие над землей.

И никогда еще правда Гоголя не светила так ярко, как в нашу эпоху, когда слово поэта стало достоянием всех народов нашей великой страны.

Книгу Гоголя можно увидеть в руках у каждого школьника Советского Союза. И радость, которую мы испытали в детстве, умножена теперь в тысячу раз.

Так чудесным мы память Гоголя, так отчетливо сотую годовщину со дня смерти одного из величайших писателей мира.

Фильм о великом писателе

Гоголь! Вот он глядит на нас, автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Ревизора», «Мертвых душ»...

Все ближе и ближе к нам портрет писателя... Уже ясно виден лукавый блеск в глазах Гоголя. Вот-вот сорвется с его губ живой, веселый смех...

Так начинается фильм о Николае Васильевиче Гоголе.

Местечко Большие Сорочинцы — родина Гоголя, хутор близ Диканьки, Нежин, Гамазия, в которой учился великий писатель... Здесь Гоголь старательно записывал народные песни, учился живой, народной речи, переписывал в свою тетрадь произведения великого Пушкина...

С каждым кадром все ярче обрисовывается образ любимого народом писателя.

Вот гоголевские места в Москве и Петербурге... Фильм рассказывает о дружбе Пушкина и Гоголя. Пушкин дает Гоголю сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ». Белинский, Чернышевский, Герцен, выражая мысли и чувства народные, высоко оценивают творчество Гоголя.

Произведения Гоголя — плоды и великого вдохновения, и огромного, напряженного труда. На экране — странный гоголевский рукописей. Они испещрены по-

правками. Они переписывались рукою писателя по несколько раз...

В фильм удачно вмонтированы сцены из «Ревизора» и «Мертвых душ» в исполнении московских и украинских артистов, воскрешающие в нашей памяти бессмертные гоголевские образы.

Гоголь принадлежит всему прогрессивному человечеству. Его книги миллионами примерами излагаются на всех языках народов Советского Союза. Книги Гоголя выходят почти на всех языках мира...

И снова на экране — наш, улыбающийся Гоголь...

Все удачно в этом фильме, созданном на Киевской киностудии режиссером Т. Левчуком по сценарию Ю. Яновского; и подбор материалов, и выбор пейзажей, переносящих нас в атмосферу гоголевских мест (операторы И. Шеккер и В. Войтенко), и музыка А. Свечникова, и точный, выразительный дикторский текст в исполнении В. Аксенова.

Авторы фильма умно показали нам главные вехи, важнейшие этапы жизни Гоголя. Фильм как бы вводит нас в его духовный мир, знакомит с его эпохой, его друзьями, с его борьбой за народное счастье.

Г. ГУЛИА

На снимках (слева направо): обложка поэмы «Мертвые души» работы Н. В. Гоголя; иллюстрации А. Лоптева к «Мертвым душам», А. Константиновского — к «Ревизору» и Е. Кирица — к «Тарасу Бульбе» — в издании Детгиза; Музринский — «Шинели» и А. Навесного — к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» — в издании Гослитиздата.

О Д Н А С Т Р А Н И Ц А

Гоголь в Чехословакии

Гоголем нельзя считать. Даже трудно представить себе человека, который прочел бы его один раз и более к нему не возвращался. По правде сказать, нам было бы жалко такого человека. Повторное чтение великих писателей вообще доставляет огромное наслаждение. Но перечитывать Гоголя — удовольствие еще большее, чем даже читать его в первый раз. Прозу Гоголя хочется запоминать, как стихи, проносить в слуху. Делиться с другими, так сказать, не только впечатлениями о прочитанном, но и самим процессом чтения. Многие фразы Гоголя, составляющие целью художественные открытия, мы цитируем, как своеобразные афоризмы. Все помнят, что при въезде в гостиницу Чичиков был встречен трактирным слугою, «живым и вертящим до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо».

Или разве можно забыть разговор двух мужиков: «доедет до колесо, если б случилось, в Москву, или не доедет?».

Кто не любит вспоминать, как описал Гоголь внешность Чичикова, или, вернее, как он отказался ее описать: «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод».

Но самое во всем этом удивительное, что все эти художественные открытия — и трактирный слуга, и обитатели, и разговор мужиков, и описание внешности Чичикова — все это находится на одной и той же странице — в начале первой главы «Мертвых душ».

Раз уж речь зашла об этой странице, следует сказать, что замечательна она и во многих других отношениях. Здесь — в первой же строке — мы знакомимся со знаменитой чичиковской бричкой, которая проезжает потом через всю поэму и в конце первой части позволяет нас к заключительным строкам о птице-тройке, несущейся вперед, мимо всего, что ни есть на земле. Два мира — один, олицетворенный в чичиковской бричке, и другой — в птице-тройке, несущейся в будущее, — составляют два плана гоголевской поэмы. Бричка, запряженная тройкой сытых коней, везущая Чичикова и его крепостную собственность — кучера Селифана и молчаливого лакея Петрушку, — открывает поэму. Птица-тройка — заключает ее.

Из второй строки мы узнаем, что Чичиков холост и что принадлежит он к господям средней руки — обстоятельства, которые сопутствуют потом ему на протяжении всей поэмы. Итак, в ворота гостиницы губернского города NN въехала бричка с господином неопределенного вида и неопределенных занятий. «Въезжая, — замечает Гоголь, — он произвел в городе совершенно никакого шума...» Тот, кто не перечитывает Гоголя, естественно, не оценит иронию, скрытую в этих словах. Тот же, кто уже знает, каким шумом сопровождался въезд Чичикова из этого города, невольно удивляется и еще раз поднимает строгий соразмерности всех частей гениальной поэмы: ведь между въездом и выездом Чичикова уместится вся первая часть «Мертвых душ».

Многозначительна каждая фраза! Вспомним опять разговор мужиков, лишний, на первый взгляд, всякого смысла: «...что ты думаешь, доедет до колесо, если б случилось, в Москву, или не до-

едет?» «Доедет», — ответила другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?». «В Казань не доедет», — отвечал другой.

О проницательности колесо судит крестьяне — люди, понимающие толк в колесах. Разговор этот короткий, потому что профессиональный. Непосвященным в тайны колесного производства он непонятен. Потому-то он и вызывает улыбку. А ведь они правы! Если помните, Чичиков и впрямь понадобилось перед выездом перетянуть шину на колесе и налаживать перед.

Разговор этот заключает в себе и другой — иносказательный — смысл: в бричке Чичикова далеко не уедешь. Так говорит народ.

«...Когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канфасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покусенными на мору, из-под которого видна была манишка, застегнутая тузовскою булавкою с бронзовым пистолетом».

Этот молодой человек в поэме больше не появится. Но точность, с какой описан его костюм, определяет весь стиль дальнейшего повествования, в котором второстепенные моменты будут играть первостепенную роль; кроме того, случайный прохожий, описанный с такою подробностью, усиливает впечатление неопределенности черт приезжего господина. Кстати сказать, Гоголь и не только знакомит читателя с новоприбытым. Сперва весьма обстоятельно выписывается внешность слуги, лица которого нельзя было рассмотреть по уже упомянутой выше причине. Оказывается, вертящийся трактирный слуга был и сам длинный да еще и в длинном демитопином сортуке со шпилькой чуть не на самом затылке, что он «иронорно» выбежал с салфеткой в руке, «встригнув волосами» и повед «проворно» господина вверх «по всей деревянной галлерее» показывая «ниспосланный ему богом покой».

Затем следует описание покоя «известного рода», ибо гостиница «была тогда известного рода, то есть именно такая, как бывает гостиница в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими как черновики из всех углов, и дверью в соседнее помещение, всегда заставленную комодом, где устраивает сосед, молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего».

Больше о нем не будет сказано ни одного слова. Но этот молчаливый соглядатай, так же, как и трактир напротив гостиницы, как и «вечная желтая краска», в которую выкрашено здание самой гостиницы (любимый цвет Николая II), выступают, как символы николаевско-бенкендорфского режима: они выставлены на первой странице, как нотный ключ, в котором надо читать всю поэму.

«Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности». Эта фраза позволяет Гоголю не впадать в дальнейшее описание внутренних покоев гостиницы, но ограничиться справкой о фасаде: «она была очень длинна, в два этажа; нижний не был вышестерен и оставался в темно-красных кирпичных, еще более потемневших от лихих погодных перемен и гризноватых уже самих по себе». Словом, ясно, что гостиница и внутри была гризновата.

Все очень обобщенно в описании Гоголя: в бричке, в каких ездят «отставные полковники, штаб-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян»; в гостиница «известного рода», и покой «известного рода», в котором пометился Чичиков. Во всем обнаруживаются черты самые обыкновенные, самые характерные. И тем не менее нас не оставляет ощущение необыкновенности поэтического повествования. Происходит это, конечно, прежде всего, от потрясающей точности гоголевского глаза, от необычайной насыщенности каждой строки. Новизна сообщает обыкновенным вещам и тон — иронически-обстоятельный. И одинаковый интерес, который автор проявляет к явлениям разного масштаба и значимости. Поэтому равнозначными оказываются в изображении и господина в ресорной бричке, и тузовская булавка с бронзовым пистолетом, коей заколотая манишка губернского фаната, и тараканы, и характер соседа, живущего за заставленной комодом дверью. Показанные в одном масштабе, они невольно вызывают улыбку. Гоголь ведь не просто говорит, что комната была с тараканами. Нет, уподобленные черноволосу, тараканы, если можно так выразиться, представляются до размера булавки, да еще не протяжной, а с претензией — с бронзовым пистолетом самого крошечного размера. Дальше, в тексте поэмы подобные же молодые люди будут обозначены зубочистками.

Так же и не собой улыбка с лица читателя, пока не будет яти о губернской гостинице, о Чичикове, о светском обществе, об окрестных помещиках, ибо описание всего этого мира будет осмысливаться через комические уподобления, через детали, намеренно увеличенные и смещенные привычные представления.

Жизнь губернского города показана уже на первой странице. Он населен людьми разного чина и звания, доказан в движении. Едет господин в бричке, у дверей кабака стоит мужик, напротив бороздит, торгующий сбитнем, провинциальный шельм обертнулся, придерживая от ветра картуз, слуга выбегает навстречу приезжему... Многие из этих подробностей, казалось бы, не имеют никакого отношения ни к «героям», ни к дальнейшим событиям в книге. Однако стоило бы автору описать только то, что имеет непосредственное отношение к Чичикову, и мы бы узнали лишь о том, что он въехал во двор гостиницы, был встречен трактирным слугой.

Он потому и убедителен — Чичиков, — что представлен на широком фоне помещичьей, крепостнической России и трудовой народной Руси, представая, как одно из звеньев жизни. Именно эта жизнь, показанная в различных аспектах, необыкновенная точность каждой детали, окружающей Чичикова, позволили Гоголю построить образ Чичикова и доказать его достоверность. Потому что Гоголь предстала труднейшая задача — создание образа, внешний вид которого не соответствовал бы его внутренней сущности. Неопределенная внешность, неопределенный возраст, неопределенный голос, ибо Чичиков, как с удовольствием отметил губернский свет, и говорил «ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует», туманная неопределенность выражений — все это показано любезное

благодаря, светский стандарт, маска светского человека. Под ней скрыто много стужалого, казнокрада, дерзкого спекулянта, алчного и циничного невежды, которому глубоко враждебно все возвышающее, все человеческое. Никогда еще до Гоголя — светское лицемерие, которому задавал тон одолевший император Николай I, не было так унижено, так позорно обнажено, как в книге Гоголя, где оно представлено в образе Павла Ивановича Чичикова.

«Мертвые души» — поэма не о Чичикове, а о России. И не только Чичиков, но еще более жизнь страны определяет идейный смысл гоголевской поэмы. На этом широком фоне и начинает Гоголь развивать образ Чичикова уже с первой страницы. При этом все, что описано в ней — в этой странице, будет и потом играть свою роль в поэме: не только бричка, но и трактирный слуга, и гостиница, и трактир, куда уаляются в один из вечеров Селифан и Петрушка, и комната, куда вводит Чичикова, и сами Селифан и Петрушка, которые появятся на второй странице, и лакей красное дерево, и даже запах, который пританит с собой Петрушка, — все это получит в поэме свое место и свою роль. Каждая деталь значительна, каждая сообразна в соответствии с целым.

Не случайны и мужики на первой странице. Везде, где в дальнейшем ни побывает Чичиков, мы увидим крестьян. И тех, что будут объяснять, как проехать на Маниловку. И босякову девочку, которая уезжает к Селифану на козлы указывающая дорогу. И лядю Митяя с дялей Мизием, что займутся выпутыванием лошадей из постоемок. И крепостного человека Собакевича, который станет учить, где короче дорога в Маниловку, и по этому случаю отпустит в его адрес крепкое слово.

Широкая картина трудовой Руси представлена Гоголем в перечне купленных Чичиковым умерших и бездельных крестьян — в судьбах каретника Михеева, пистика Прокля Степана, клирника Милушичкина, сапожника Максима Телятниковца, Еремея Сорочкопехина, что в Москве торговал и одного оброку приносил по пятису рублей. Абдула Фирова, которого занесло на Волгу, и залобил он волюную жизнь, приставши к бурлакам... Выводит Чичиков каллиграфическим почерком имена купленных ни «мертвых душ», а мы видим крестьянскую Русь — великих тружеников и мастеров, что с топором за поясом да с сапогами на плечах идут по бесконечным дорогам, и где ступают они топором, вырывают села и города; мнитса эта Русь на тройках, в вологих кибицах, гнетса на хлебных пристанях, зацепив крючком на спину десят пудов; летят, опасавшись веревкой под церковный купол, а то и на самый крест; сидит по острогам или тащит лядку под удом, бесконечную, как Русь, песню...

Мужики на первой странице не только напутствуют чичиковскую бричку: они начинают в поэме тему крестьянской Руси. Молодой человек с тузовской булавкой начинает тему светского общества. Чичиков со своей бричкой — тему приобратательства, тему помещичьего благополучия.

Все линии намечены на первой странице. Ильяшки вступительных фраз. Никаких описаний, преувеличений или настраивающих читателей. Завязка началась в первой строке. Каждая художественная деталь получает значение в дальнейшем ходе повествования. Каждая оказывается необходимой для развития основных идейных мотивов гениальной гоголевской поэмы. Вот это и есть мастерство!

В Народно-демократической Чехословакии юбилей Н. В. Гоголя отмечается как знаменательнейшее событие в жизни нашего народа, которому всегда были близки гуманистические и демократические идеалы русской классической литературы. Произведения Гоголя у нас первоначально вскоре после их выхода в свет в России (первое издание, чем в остальных европейских странах) и встречались с восторгом. Уже в 1839 году был опубликован в журнале «Летопись» перевод «Тараса Бульбы» и напечатан ряд рассказов в различных журналах, а в 1849 г. в «Народных новинах» начали печататься «Мертвые души», переведенные Карлом Гавличком-Боровским, который один из первых начал провозглашать произведения Гоголя. Прогрессивные представители чешской культуры, во главе с Чедиковским, Колларом, Шафариком, Сабинкой, знали и любили произведения великого русского писателя, понимая все их значение в борьбе нашего народа с абсолютизмом австрийского монарха. Пьесы Гоголя, начиная с 60-х годов прошлого века, стали неотъемлемой частью репертуара крупнейших чешских театров. Новые и новые издания сочинений Гоголя сближали наш народ с прогрессивными идеями русского народа. Бесспорно также влияние гоголевского критического реализма на чешскую прогрессивную литературу, на Божену Немцову, Яна Перуду, Алонза Ирасека и других наших писателей.

Неоднократные посещения Н. В. Гоголем Чехии сблизили его с представителями чешской культуры. В 1839 г. когда писатель приехал на лечение в Марианские Лазни, он познакомился с историком и филологом М. И. Шафариком, произведение которого он очень ценит. В письме от 5 мая 1839 года он писал М. И. Нордуну о «Славянских старожитностях» Шафарика: «Я их читаю и дивлюсь

ясности взгляда и глубокой деликатности. Кое-где я встречала мои собственные мысли, которые хранил в себе...»

В Марианских Лазнях, на доме, в котором жил автор «Мертвых душ», будет в этом году, в гоголевские дни, установлена мемориальная доска. В остальных местах, которые он посетил, — в Карловых Варах и на курорте Есеники (в то время Грениберг), также устраиваются торжества в его память.

Когда в 1845 г. Гоголь проезжал через Прагу, он несколько раз побывал в Национальном музее, чтобы посмотреть памятник славянского прошлого. Здесь он познакомился с известным издателем и литератором В. Ганкой, которому написал в альбом сердечное посвящение, и оставил свою подпись в памятной книге под датой 5 августа 1845 г. В Национальном музее к юбилею будет открыта выставка, посвященная жизни и творчеству великого русского писателя.

В программу гоголевских дней в Чехословакии включены многочисленные постановки его пьес в чешских и словацких театрах. В заводских клубах, в школах, в филиалах Союза чехословако-советской дружбы в день юбилея будут прочитаны лекции о жизни и творчестве классика русской литературы. Произведения Гоголя выйдут в новых изданиях.

Гоголевские дни завершаются торжественным заседанием Союза чехословацких писателей, Союза чехословако-советской дружбы и Чехословацкого комитета сторонников мира под председательством министра школы, науки и искусства профессора Зденека Нежелы. С докладом на торжественном заседании выступит лауреат Государственной премии поэт Иржи Тауфер.

И. КАДЛЕЦ

Гоголь в Японии

Передовые японские художники, борющиеся за развитие метода критического реализма в японской литературе, высоко ценят творчество Гоголя, как зачинателя русской реалистической литературы, оказавшей решающее влияние на развитие японского романа.

В 1908 г., в период расцвета японского критического реализма, Нобору Сэму, говоря об истоках японской реалистической литературы, писал: «Наша реалистическая литература во многих отношениях продолжает линию русского реализма... русская литература оказала влияние на развитие художественного стиля, метода, способа построения образов в нашей литературе... Истинно говоря об истории русского реализма, то зачинателем реалистической литературы в России был Гоголь».

В последние годы интерес прогрессивной японской общественности к русской литературе, культуре и искусству еще более возрос. Японские литературоведы посвящают ряд своих работ разбору творчества А. Пушкина, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Чехова, М. Горького. Были вновь переведены и переизданы их важнейшие произведения. Многие для популяризации русской литературы в Японии сделали члены «Литературного отдела общества изучения Советского Союза», выпустившие серию научных работ, посвященных изучению проблем истории русской литературы. Передовые японские критики и литературоведы защищают творчество Гоголя от нападок со стороны реакционеров, пытающихся искривить истинный смысл произведений писателя.

Б. ПОСПЕЛОВ

Правда жизни

1. «В конце двадцатых годов, когда я был редактором журнала «Мысль» («Домашнее»), мы получили по почте рукопись под названием «Женщина». С первой страницы этой рукописи я насторожился и внимательно прочитал ее до конца. В ней не было ничего из ряда вон выходящего, нового для нашей литературы, но во всем — и в сюжете, взятом из быта народа, живущего в предгорьях Алтая, и в обрисовке характеров героев, и в манере письма — чувствовался меткий глаз наблюдателя, вдумчивый, самостоятельный ум и недожимные повествовательные способности».

Так начинается печатанная в альманахе «Советская Латвия» статья народного писателя Латвии Андрея Упита «Вилья Ладис и его проза». Прошло более двух десятилетий с того времени, о котором вспоминает Андрей Упит. Буржуазная Латвия стала одной из советских республик, а приславший Андрей Упиту свою первую повесть сын рижского рабочего, рыбак и кочевар стал большим художником, одним из тех писателей, книги которых читают во всех уголках нашей Родины.

Писательский путь Вилья Ладиса был путем художника, неутомимого и деятельного. Служа народу, он сознательно и настойчиво стремился говорить о самом важном для народа, заглядывая в корень вещей, отвечая в своих вылетах на большие и острые вопросы, волнующие многих людей.

Такой книгой был роман Ладиса «Сын рыбака». Писатель рисовал в нем людей из народа, показывая их душевную силу, их все растущее сопротивление эксплуататорам, хозяевам буржуазной Латвии. Жизнь не приращивала в романе. Герою его, Оскару Клява, приходится трудно не только в борьбе с эксплуататорами, но только в борьбе, которая разгорается в его собственной семье, но и в борьбе за то, чтобы распрямить спины людей, согнувшихся под гнетом нужды и бесправия.

Роман вышел за несколько лет до установления советской власти в Латвии, но в нем есть такая сила надежды и предчувствия, словно, читая его, ты касаешься рукой стальной пружины, скаткой гнетом ультимативского режима, но готовый распрямиться и узарить.

После окончания Великой Отечественной войны Ладис задумал описать альпийские великие событиями шесть

Однако здесь Ладис не повторяет себя. Он ищет и находит новые художественные пути для создания такой эпопеи.

Если не вникать в существо романа, в его главную направленность и главный пафос, то на первый взгляд можно было бы сказать, что это роман семейный. Через тридцатилетие, которое он охватывает, проходит история семьи Лидумов и семьи Ладисов и кулацкого рода Тауриней. Однако, утверждая наше право называть книгу Ладиса романом-эпопеей, а отвлечь от семейного романа, попробуем посмотреть, в каких не только семейных, но социальных отношениях находится семья, о которых идет речь в романе. Попробуем проанализировать, что было главным для автора: рассказывать историю нескольких семей или, создав широкий исторический фон, на истории этих нескольких семей наглядно показать те социальные противоречия, ту борьбу и драму, которые происходили в латвийской деревне.

Безусловно, не первое, а второе намерение руководило автором.

2. Илья Лидум идет по лесу, везя на санях сына Артура. Навстречу ей несется сани. Это — сваденный поэт. Только что повенчавшись с дочерью богатого кулака Медлера молодой Антон Ладис — наследник шестидесяти гектаров плохой земли, человек, мечтающий выжить в кулацких условиях, в том числе выйдя из женитбы. Антон Ладис — отец того трехлетнего мальчика, которого везет на санях Илья Лидум, бывшая батрачка в хозяйстве Тауриней. Антон бросил ее беременной и сейчас проносится мимо нее на санях с молодой женой.

На первый взгляд, казалось бы, просто горькая семейная история, каких немало было в литературе. Но за этой семейной историей Ладис вскрывает то, ради чего она написана: все то страшное и жестокое в жизни латвийской деревни двадцатых годов, что породило эту историю.

Антон Ладис не просто обольщается. Он и в самом деле был сильно увлечен Ильзой, но стремление его и его семьи выжить в кулацких условиях усиливается.

Поворачиваясь Илья Медлер, которая едет с ним в санях, не просто счастливая любовница. Она некрасива и неумна, но она — товар, за ней для Ладисов стоит наследство Медлеров. Возможность получить это наследство ничто не должно угрожать, и старый Ладис все три года назад добился того, чтобы кулак Тауриней выгнал беременную батрачку, которая вдобавок — дочь расстрелянного капитана во время бунта 1905 года революционера Петра Лидума.

Перекресток эти эпизоды, я хочу подчеркнуть, что с первых же глав романа мы попадаем в атмосферу жизненной правды. Главное для автора — показать борьбу своих героев с той жизнью, которая их окружает, показать борьбу за новую жизнь. Но, заглядывая в будущее, разбирая главным предметом своего внимания борьбу за будущее, писатель вместе с тем показывает ту жизнь, которую хотят переменить его герои, правдиво, во все ее противоречиях.

Ольга умирает, и сын Яна Лидума — Айвар, сирота, проаанный с молока на сиротском аукционе, попадает сначала в один, потом в другие руки. Спокойно, но гнетом, как бы свозил, сжатые зубы, повествует об этом автор.

Айвара берет в свою семью бедненький «серый барон» — крупный кулак Тауриней. Айвар становится Айваром Тауриней. На этом как бы замыкается круг семейных связей и уже определяются многие из основных действующих лиц романа.

Скоро к ним прибавятся еще Бруно Ладис — сын Антона Ладиса и рано умершей Иины Медлер, и Анна и Жан Ладис — дети Антона от второй жены — Бристыны. Мы на протяжении десятилетий будем следить за их судьбами, разбурываемыми на фоне широких картин жизни народа.

И Яна Лидум от начала до конца романа придет через эти десятилетия и как символ неискоренимой веры народа в лучшее будущее, и как символ его негибаемой воли к завоеванию этого будущего. Как молодые деревца к солнцу, будет тянуться к будущему, крепнуть и вырастать вокруг Яна Лидума молодая поросль — Артур, Анна, Жан. Пройдя трудный и полный противоречий путь, рожденный в семье Лидума и воспитанный в кулацком гнезде Тауриней, разрушив надежды своего приемного отца, придет сюда и Айвар Лидум.

На протяжении десятилетий образу Яна Лидума будет противостоять в романе образ врага своего народа — Тауриней, кулак, вырастающего в капиталиста, теряющего свою власть и богатство с установлением советской власти в Латвии, злобно мстящего за это народу и в конце концов превращающегося в десного зверя.

Тауриней будет иметь в романе не только духовных руководителей, таких, как командир айсаргов — Стал; он приобретает и духовных воспитанников, таких, как кулацкий сынок Марцин, или наследник Медлеров — Бруно Ладис.

На страницах романа живет много разных, не похожих друг на друга своеобразных людей. Но, если можно так выразиться, его великая ось — это образы Яна Лидума, Артура и Ильзы Лидум. Это люди, смело сражающиеся за будущее, люди ясных целей и стойких характеров.

Яна Лидума мы застаем в начале романа еще молодым, но уже сформировавшимся революционером. Таким человеком, с закаленной душой, он проходит через весь роман, постепенно вырастая в крупного партийного деятеля. Он возглавляет

партийную организацию в тюрьме, участвует в установлении в Латвии советской власти, сражается в рядах Красной Армии, возвращается на родную латышскую землю, чтобы продолжать строительство новой жизни, прерванное годами оккупации.

Артур на наших глазах формируется из мальчика в выросшего в семье с революционными традициями юношу-коммуниста, выполняющего первые подпольные поручения, потом в молодого коммуниста, руководителя партийного отряда, затем в секретаря укома партии.

С последовательностью и художественным тактом показывает Ладис рост Ильзы. Эта молодая женщина, помнящая, как она девчонкой стояла у гроба расстрелянного отца, и чувствующая по опыту всей своей тяжелой жизни справедливость той борьбы, которую ведет ее брат, постепенно сама начинает входить в революционное движение. Она носит передачи брату, она молча ободрав попольную работу сына, в ее квартире находят приют подпольщики. И когда она, уже вдова, становится заместителем председателя уполкома, — это подготовлено всем ее предшлущим духовным ростом, всеми ее жизненными поступками, негромами, но прекрасными.

Передстав многие страницы романа, мы увидим, какую роль сыграл Ян Лидум в формировании сознания Артура. Мы увидим, как Артур, попав на лето батраком в усадьбу Тауриней, столкнувшись с Айваром, видит ему первые серьезные, уже не детские сомнения в справедливости жизни, которая происходит перед его глазами в усадьбе приемного отца. Мы увидим, как образ Яна Лидума впоследствии делается для Айвара тем идеалом, к которому он стремится. Мы увидим, как встречая с Ильзой и Артуром, встреча жестокая, как хирургическая операция, расцвет последние иллюзии Антона Ладиса — насчет того, чтобы при новом строе устроиться, прижаться, разбогатеть за чужой счет.

Образы Яна Лидума, Артура и Ильзы не только раскрываются сами, но способствуют раскрытию других образов. Эти люди действуют на других людей, ведут их к новому, помогают расстаться с розмидными пятнами прошлого. Поэтому так очевидна их активная роль во всем действии романа.

(Окончание на 4-й стр.)

Правда жизни

1. «В конце двадцатых годов, когда я был редактором журнала «Мысль» («Домашнее»), мы получили по почте рукопись под названием «Женщина».

С первой страницы этой рукописи я насторожился и внимательно прочитал ее до конца. В ней не было ничего из ряда вон выходящего, нового для нашей литературы, но во всем — и в сюжете, взятом из быта народа, живущего в предгорьях Алтая, и в обрисовке характеров героев, и в манере письма — чувствовался меткий глаз наблюдателя, вдумчивый, самостоятельный ум и недожимные повествовательные способности».

Так начинается печатанная в альманахе «Советская Латвия» статья народного писателя Латвии Андрея Упита «Вилья Ладис и его проза». Прошло более двух десятилетий с того времени, о котором вспоминает Андрей Упит. Буржуазная Латвия стала одной из советских республик, а приславший Андрей Упиту свою первую повесть сын рижского рабочего, рыбак и кочевар стал большим художником, одним из тех писателей, книги которых читают во всех уголках нашей Родины.

Писательский путь Вилья Ладиса был путем художника, неутомимого и деятельного. Служа народу, он сознательно и настойчиво стремился говорить о самом важном для народа, заглядывая в корень вещей, отвечая в своих вылетах на большие и острые вопросы, волнующие многих людей.

Такой книгой был роман Ладиса «Сын рыбака». Писатель рисовал в нем людей из народа, показывая их душевную силу, их все растущее сопротивление эксплуататорам, хозяевам буржуазной Латвии. Жизнь не приращивала в романе. Герою его, Оскару Клява, приходится трудно не только в борьбе с эксплуататорами, но только в борьбе, которая разгорается в его собственной семье, но и в борьбе за то, чтобы распрямить спины людей, согнувшихся под гнетом нужды и бесправия.

Роман вышел за несколько лет до установления советской власти в Латвии, но в нем есть такая сила надежды и предчувствия, словно, читая его, ты касаешься рукой стальной пружины, скаткой гнетом ультимативского режима, но готовый распрямиться и узарить.

После окончания Великой Отечественной войны Ладис задумал описать альпийские великие событиями шесть

К. СИМОНОВ

лет жизни латвийского народа и выполнял эту задачу в своем романе «Буря».

Писатель, показавший в «Сыне рыбака» мастерство романиста, встал в «Буре» на путь создания романа-эпопеи, где перед художником трудная задача — сочетать тщательную лепку центральных образов с умением широкими мазками дать общую картину эпохи, показать народные массы, изобразить художественными средствами многие исторические события.

Было бы преувеличением сказать, что в решении труднейшей задачи создания романа-эпопеи писатель все до конца угадал. Это не так. Кое-где на страницах эпопеи, особенно в конце ее, вторглась торопливая очерковость. Художник не всюду сумел совместить размах повествования с достаточной точной и психологической глубиной лепкой человеческих образов.

Однако в «Буре» Ладису удалось главное: показать широкую картину народной жизни, донести до читателя силу духа народа, его красоту, причем именно в том, в чем красота народного духа раскрывается с наибольшей полнотой: в борьбе.

Второе крупное последствие произведения Ладиса — роман «К новому берегу», как и «Буря», вновь показывает народную жизнь широко и на большом временном пространстве.

Действие романа начинается в 1920 году. Тридцать лет проходит перед читателем от первой его страницы до последней. Роман Ладиса объемист, но даже в такой большой книге, разумеется, невозможно охватить все события, происшедшие за тридцатилетие. Писатель стоит перед необходимостью принципиального и строгого отбора того, что в первую очередь попадает в поле его художественного зренья.

Режиссеры „катынской комиссии“

Американская пропаганда, распространяя обширные отчеты о заседаниях так называемой «комиссии палаты представителей конгресса США по вопросам Катини», старается внушить неосведомленным людям, что будто бы в этой «комиссии» заседают «беспристрастные» и «объективные» люди. Они-де только теперь определяют, кто ответствен за убийство тысяч польских офицеров и солдат в Катини.

Жоки! В состав «комиссии» входят люди, которые известны не только как услужливые исполнители приказов американских поджигателей войны, но и как бывшие прислужники гитлеризма.

Члены «комиссии» конгресса пользуются готовыми «выходами». Их подготовили девять лет назад Гейбелсы, начиная антикоммунистическую пропаганду. Теперь их подхватили американские империалисты, которые, желая возродить неогитлеровскую Западную Германию, хотят как можно быстрее реабилитировать фашистских убийц, сплос современных сообщников по подготовке новой войны. Одновременно американские фабриканты смерти стараются тем самым отвлечь внимание человечества от страшных преступлений войск США в Корее. Американские военные тузы заинтересованы в разжигании антикоммунистической и антисоветской истерии в Соединенных Штатах, чтобы таким образом ослабить растущее движение за мир.

Кто же входит в состав «комиссии» палаты представителей, якобы рассматривающей катынский дело?

Одним из членов этой комиссии является пресловутый конгрессмен Альвин О'Конский, полу-ирландец, полу-полюк, но в целом законченный негодяй. Уже в 1938 году О'Конский работал на нацистов. Гитлеровский корпус в Милуоки (США) имел близкую связь с О'Конским, который произносил хвалебные речи по адресу Гитлера и фашистского режима.

Во время второй мировой войны, когда О'Конский при поддержке реакционных немецких организаций был избран в конгресс США, он выступал в защиту гитлеровской Германии. Когда в 1944 году Советская Армия громила гитлеровские орды и наносила им смертельные удары, когда приближался разгром фашистской Германии, конгрессмен О'Конский усадил свои противительские выступления. Речь О'Конского в конгрессе подхватывала гейбелсовское радио, которое воспользовалось ею для «поддержания духа» среди населения Германии. Гейбелсы неоднократно одобрительно отзывались об О'Конском.

После поражения фашистской Германии О'Конский был одним из первых конгрессменов, которые призывали к превентивной войне против Советского Союза, против Польши и стран народной демократии. О таких людях, как О'Конский, президент Рузвельт говорил, что «они вполне заслуживают гитлеровский орден».

Членом «комиссии» является также Т. П. Шпан из Чикаго. Конгрессмен Шпан — верный исполнитель воли поджигателя войны в Манчине и преданного друга вермахта Карлзона Спеллмана.

Владельцем многих фабрик, тесно связанным с предательской кликой профсоюзного босса Грина в Чикаго, конгрессмен Шпан питает горячую симпатию к гитлеризму. В своей речи от 9 августа 1951 года он выступал против Нюрнбергского приговора. Он сказал: «Многие считают, что Нюрнбергский суд создал фундамент

международного права, но... Нюрнбергский процесс не только не укрепил международное право, но нарушил основы справедливости». Теперь этот защитник приговоренных военных преступников хочет при помощи так называемой «катынской комиссии» реабилитировать гитлеровских палачей.

А вот еще один член «комиссии» — конгрессмен Дондеро. До войны он часто навещал Италию, где его принимали высокие фашистские персоны. Дондеро — горячий поклонник Муссолини. В своем окружении он содействовал бандам гангстеров, при помощи которых проводил террор против демократических элементов. Дондеро — один из наиболее реакционных конгрессменов в Вашингтоне.

Следующий член «комиссии» — Тадеуш Махрович. Махрович с юных лет был связан с кликой Пилсудского, Рыза-Смиглы, Бека, агенты которых обивали пороги в Вашингтоне, предлагая свои антисоветские услуги. С помощью Махровича предатели польского народа Матушевский, Боп, Флорай-Райхман, Бизевицкий и другие, бежавшие в США, старались во время второй мировой войны наняться на службу Уолл-стрит для реализации планов превращения войны против Гитлера в войну против Советского Союза.

В 1950 году Махровичу, который тщательно скрывал, что он агент обанкротившейся польской фашистской клики, удалось попасть в конгресс. В конгрессе Соединенных Штатов Америки он проводил ту же политику, что и лондонская клика польских эмигрантов — предатели народа. Подобно тому, как в Европе эти отщепенцы поддерживают сейчас немецких реваншистов из клики Аленгауэра, точно так же Махрович и его друзья в Вашингтоне всемерно содействуют возрождению милитаристической Германии.

Когда американский конгрессмен Смит выступил с предложением «отобрать» у Польши западные земли, конгрессмен Махрович рьяно поддержал этого зарвавшегося поджигателя войны. Когда другой американский конгрессмен Керстен, один из авторов пресловутого закона о 100 миллионах долларов, ассигнованных конгрессом на диверсии и шпионаж в Советском Союзе, Польше и других странах народной демократии, агитировал за «разжигание германской войны в Польше», его поддерживал конгрессмен Махрович.

Председателем комиссии является конгрессмен Мэдден. Он также поддерживает близкие отношения с польскими фашистами в эмиграции. Он получил даже из их рук «орден» за особые заслуги.

Такова характеристика политического лица членом «комиссии» палаты представителей конгресса США, занимающейся возрождением гейбелсовской антисоветской пропаганды.

Члены этой комиссии были и остаются агентами немецкой и польской фашистов. Их целью — расследование уже давно окончательно известной правды о чудовищных преступлениях гитлеровцев в Катини, правды о чудовищной провокации, инспирированной на катанских могилах Гейбелсом, а усиление военной истерии, антисоветской и антипольской деятельности и реабилитации гитлеровских палачей, которыми американские империалисты желают воспользоваться для разжигания новой мировой войны.

ВАРШАВА, 3 марта. (По телефону)

КРИЗИС В ПАРИЖЕ, ПАНИКА В ВАШИНГТОНЕ...

(К ПОЛОЖЕНИЮ ВО ФРАНЦИИ)

Во Франции снова правительственный кризис. Кабинет Фора вынужден был уйти в отставку: в ночь с 28 на 29 февраля ему отказало в доверии Национальное собрание, всего лишь 40 дней тому назад поставившее Фору у власти. Но это ничего во Франции уже не удивляет: причины, вызвавшие падение одного за другим ряда правительств, не могли исчезнуть оттого, что в кресле премьера Франции вместо Блю появился Кэй, вместо Плевена — Фор...

Что же дальше? — трагическим тоном вопрошают обозреватели буржуазных газет и не могут найти ответа. Французские правящие круги пытаются сделать вид, будто ничего особенного не случилось. В Париже опубликованы даже специальные данные, из которых явствует, что с 1946 года во Франции сменилось уже 14 правительств, а с 1870 года — 132! Из них только 22 протерпело в власти более года, а 23 «правило» менее месяца.

По подобным подсчетам досужих парижских статистиков вряд ли способны кого-либо успокоить. И если в Париже отставка правительства Фора вызвала растерянность, то Вашингтон она повергла в панику. Как свидетельствует вашингтонский корреспондент газеты «Уолл-стрит джорнал» Кромли, «на посленую пятницу в Пентагоне, в каплепринте президента и в государственном департаменте официальные лица роняли, что новый Французский кризис является для нас «серьезным»...

Действительно, не успели еще участники лиссабонского съезда агрессоров вернуться домой, как во Франции разразился правительственный кризис. Г-н Фор сломал себе шею на том же самом, на чем ранее сломал шею и Плевен, — оба они пытались протиснуть через Национальное собрание несмысленный военный бюджет, навязываемый Франции Вашингтоном. Если Плевен потребовал для этого повысить налоги на 10 процентов, то Фор потребовал их увеличение на 15 процентов — ведь атаманский «комитет мудрецов» по главе с Гарриманом продвигал в Лиссабоне новую цифру непосредственных военных расходов для Франции: 1 триллион 400 миллиардов франков...

— Мы требуем истинно французского правительства! Рисунок Жан-Пьера Шаброля из французской газеты «Виз увриер»

♦ ♦ ♦

Буржуазные политики не осмелились проголосовать за новое увеличение налогов. Причина этому — сопротивление французского народа, решительно выступившего против политики войны и империализма, продвигавшей американскими империалистами.

Теперь маршаллизованные правители заняты поисками новых парламентских комбинаций и новых претендентов на кресло премьер-министра, чтобы снова попытаться навязать народу антинациональную политику, угодную Вашингтону. Французские реакционеры стремятся найти выход из «кризиса режима» на пути установления фашистской диктатуры. Незаром

водит к тому, что перед художником пытаются сузить сюжетные возможности, пытаются свести бесконечно многообразную жизнь только к кругу наиболее типичных на взгляд критика сюжетов. Неверно, конечно, когда художник в поисках сюжетной остроты и разнообразия пытается отыскивать только необычные, редкие и даже редкостные сюжеты. Но, когда, изображая много судеб, художник среди них показывает и судьбу необычную, не часто встречающуюся, — это не только его право, это и отражение правды жизни.

Саушаче, что, исходя из схематического критерия, критики обвиняют писателя в недостатке типичности созданного им образа, игнорируя при этом то важное обстоятельство, что судьба героя может быть необычной, а раскрывающиеся на ней явления и процессы жизни — важными, значительными.

Судьба Айвара, изображенная в романе Ладиса, очень показательна в этом смысле, в ней есть необычные черты, но логику развития этого образа никак нельзя назвать исключительной, она несет на себе печать процессов, происходящих в стране. Сила революционной правды такова, что она вырывает многих людей, подобных Айвару, из лагеря врагов и приводит к той единственной правде, в которой пришел Айвар. В этом и состоит значение образа Айвара, его места в той широкой картине народной жизни, победоносного народного движения, которую изобразил Ладис в своем романе.

4. Роман Ладиса «К новому берегу» — хрестоматийная, сильная и честная книга. Однако это не только не может заставить забыть о ее художественных недостатках, но, напротив, у меня, например, вызывает желание обратиться к ней, к тому, почему и в его сильной и страстной книге оказались страницы и, надо сказать, немалое число страниц, посвященных ее по своему художественному мастерству? Почему на многих страницах второй части книги появляется скороговорка, торопливое перечисление событий, часто столь важных, что их нельзя было только упомянуть, а следовало изобразить.

Если говорить о первой части романа, мне кажется, что с неоправданной легкостью описан тот период жизни Ина Ладиса, Анны и Айвара, когда они все трое находились в рядах Латвийской лиэвины. В особенности это относится к Анне. Светлый, мужественный образ девушки много

американская газета «Нью-Йорк таймс» прозрачно намекает, что «конечное решение» французской проблемы «следовало бы искать в измененных конституции...»

Выполнять приказ заокеанских хозяев поручили на первых порах Полю Рейно. Этот «испытанный» клеврет Вашингтона, которого французский народ так же заклеймил как «могильщика Франции», в свое время расчищал путь к власти предававшему Петону. Теперь он пробивает дорогу кандидату в диктаторы де Голлю. «Нужно посмотреть конституцию», — заявил Поль Рейно, взявшись за формирование так называемого правительства «национального объединения».

Его немедленно поддержал один из главнейших деятелей левоцентристской партии Жак Сустьель, которого тоже давно прочат в премьеры. Создание правительства «национального объединения», — подтвердил он, — «должно безоговорочно повлечь коренную реформу нынешнего режима...» Но политикам не удалось стоговораться. Поль Рейно отказался на данном этапе от попытки сформировать очередное правительство национальной измены. Вслед за ним отказались и Рене Плевен. Кто же седлающий?

Следующим оказался Антуан Пиней, бывший министр общественных работ и транспорта в кабинете Фора. Как сообщает агентство Франс Пресс, Пиней предполагает сформировать правительство «специалстов», которые были бы «свободны от всяких политических соображений...» По мнению самого Пинея, то под нейтральной маской «независимого республиканца» нетрудно угадать передетого дельцева.

Труднящиеся Франции битьтельно стоят на защите республики. Рабочий класс не допустит де Голля к власти, фашизм не пройдет! — об этом не раз уже предупреждали итравожны с огнем правительственной коммуны, подлинны запятнаны национальных интересов французского народа. Коммунистическая партия Франции борется за создание правительства широкого демократического единства, которое сможет покончить с кабалой американской оккупации и маршаллизации и вывести страну на путь мира.

Последние главы романа оставляют значительно меньшее художественное впечатление, чем все предыдущее. Остается такое чувство, словно художник вдруг заторопился к концу. Ирные страницы, рвущиеся первые месяцы после организации колхоза, отношение Анны к ее отцу, Антону Пацелису, сцена поимки Тауриня, эпизоды, связанные с осуществлением Звенового блага, и многие другие хорошие страницы пережаты со страницами постесно опометательными и даже подчас, я бы сказал, пересчитательными. Обо многих важных событиях рассказывается скорговоркой, местами повествование начинает носить чисто очерковый характер. Картины труда, жизни людей, их мысленные картины диалогов вдруг уступают место главам, где перечисляются все то, что было сделано в колхозе или в волости за тот или иной отрезок времени, и роман в этих местах перестает читаться как художественная проза.

То, как в романе изображен народ, уверенной поступью идущий к новой жизни, то, как изображены многие герои романа, представляющие в нем народ, создаст у тебя, когда ты читаешь книгу, чувство любви ко всему, что рассказывает Ладис, даже там, где он просто перечисляет достижения описываемого им колхоза и волости, стремительно, одно за другим, совершающиеся там преобразования.

По чувству любви и чувству художественного удовлетворения — не одно и то же. Когда читаешь некоторые главы последней части романа, видишь, что люди, выведенные в романе Ладисом, совершили те дела, которые он перечисляет, но в то же время, с точки зрения художественности, не удовлетворяешься этим перечислением. Хочется видеть, как это происходит. Хочется, чтобы и эти страницы были написаны кисти большого художника.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТКОВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

Еще одно из многочисленных преступлений «демократии»: доллар за гражданина США Грант Смит из штата Индиана убит американскими фашистами только за то, что родился с черной кожей. Полицейские, обычно скорая на руку, когда дело касается разгона мирной демонстрации, в данном случае «всдерживались от вмешательства...» Таков американский образ жизни, который уолл-стритовские «сверхчеловеки» хотят навязать всему миру! Снимок из чехословацкой газеты «Руде право»

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!
Выходящий в США журнал «Атлантик» в январском номере этого года напечатал статью, которую озаглавил «Первооружение: слишком много, слишком быстро». В статье говорится:
THE Atlantic
REARMAMENT: TOO MUCH, TOO SOON
Since the fighting in Korea, the rearmament programs have been so large that they threaten the standard of living of the people of Western Europe. Hence, rearmament is causing America to be associated in the minds of Europeans with economic disorder and with austerity.

«С тех пор как в Корее началась война, программы перевооружения приняла настолько широкие масштабы, что ставят под угрозу жизненный уровень народов Западной Европы. В результате этого перевооружения Америка теперь ассоциируется в сознании европейцев с экономическим хаосом и материальными лишениями.»

Думается, что вторая часть романа, в особенности ее последние главы, отмечены печатью некоторой беспешности. Эти главы написаны неровно, во многих местах в них настойчиво вырываются очерк и публицистика, причем не только та публицистика, которая иногда, как ярлыкское отступление в поэме, бывает необходима в романе, а публицистика, поменяющая собою повествование, поменяющая те художественные картины, которые должны были бы стоять на ее месте.

Мне хочется повторить: Виллис Ладис написал хорошую, сильную и честную книгу, в которой заложена большая и глубокая правда жизни, в которой показан борющийся, побеждающий и победивший народ; торжество революции, торжество колхозного строя. Но, сказав все это, мне хочется добавить: большой художник должен оставаться требовательным к себе, даже когда работа, казалось бы, закончена и его произведение в целом явно удалось. И после этого у него остается право стремиться к дальнейшему совершенствованию своей книги. Впрочем, это не только право, но и внутренняя потребность большого художника.

Мне верится в то, что хорошая, сильная книга Ладиса может стать совершенной, чем она есть сейчас, и что она станет таковой.

25 февраля в «Правде» было напечатано письмо группы читателей «По повелю романа В. Ладиса «К новому берегу». В этом письме критиковалось корреспонденция М. Зорина, помещенная в журнале «Литературной газеты» являющаяся грубой ошибкой редакционной. В письме была дан глубокий анализ романа В. Ладиса «К новому берегу». Это письмо вскрывает, какой вред литературе приносит такие поверхностные, двусмысленные, содержательные в себе девачьи наскоки, выступавшие как корреспонденция М. Зорина. Письмо группы читателей учит нас, литераторов и критиков, глубоко и принципиально относиться к явлениям нашей литературы, принципиально и тщательно анализу тех явлений и процессов жизни, которые изображаются в художественных произведениях.

Правда жизни

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

3. Полный глубокого значения и с уверенным мастерством написан в романе образ Антона Пацелиса. Сердечный, мечтающий сделаться кулаком, жаждущий на сельской женщине, вернее, на девушке в землях, которые ему мерещатся в качестве прихода за ней, но которых он так и не получает. Таким возникает Пацелиса на первых страницах романа.

Колхозник Пацелис своими руками на бывшей своей хуторской земле ловит ставшего террористом кулацкого сынка Маршуса, вздумавшего по ночам разрушать то, над чем раял осуществления векового Звенового блага трудятся колхозники. С таким Пацелисом мы сталкиваемся на последних страницах романа.

Тридцать лет жизни проходит между тем и другим. Пацелис трижды женится, в трижды умирают его жены. Первая, нелюбимая им, умирает от родов, своей смертью лпшая его называя на наследство Медлеров. Вторая, любимая им, умирает, убитая непосильным трудом, который вавалал на ее родители Пацелиса, потому что она не принесла в дом ничего, кроме своих рук, и рассматривается ими как батрачка. Третья жена Пацелиса — Лавиза живет с ним до старости. Это женщина тупая, злая в грубая, — все то тяжелое, косное, агонистичное, что было в старой деревенской жизни, как бы сосредоточилось в ее характере.

Старшего сына Пацелиса — Бруно, духовного выкорышка кулаков Медлеров, казнят партизаны за его пособничество фашистским оккупантам.

Дочь Пацелиса Анна вступает в коммунизм, уходит в оккупированной фашистами территории, сражается в рядах Красной Армии и, вернувшись домой, отказывается снова стать послушной батрачкой своей матери Лавизы: она уходит из дома Пацелисов.

Уходит работать в МТС и младший сын Пацелиса Жан. Дети не желают примириться с тем, что их отец по влиянию кулаков отказывается идти в колхоз, играет роль полкулачка. Надежды Пацелиса на то, что он будет почитать поблажки — ведь его дочь занимает важный пост в волости, — рушатся.

самым очевидным образом. Новый строй разрушает понятие семейственности, то есть таких семейных связей, которые направлены к достижению личного благополучия за счет других людей.

В конце концов, оказывается, что сила происходящего кругом такова, что Пацелиса, один из последних одиночек, не решается вступить в колхоз. Он — человек, который, думая, что он соблюдает собственный интерес, уже давно действовал вопреки своим интересам, наконец, наконец осознавать, где правда; он понимает, что ему не по пути с бежавшими за границу кулаками Стабулинскими или со скитавшимися по лесам Тауринями.

Я уже говорил, что образ кулака «серого барона» Тауриня олицетворяет собой те силы, которые в Латвии зубами и когтями отстаивали старое, беспощадно и цепко боролись с новым.

Жестоким, корыстным и себялюбивым врагом народа, сначала высасывающим народную кровь, потом проливающим ее, проходит он через весь роман. В конце романа он блуждает по лесам, готовый на бесчеловечные убийства, все еще в глубине души надеясь, что откуда-то с запада придет сила, которая восстановит его в правах кровопийцы. Он так полон воспоминаниями о своей бывшей власти над людьми, что оставшиеся последние непоиманными из шайки лесных террористов, не находят ничего лучшего, как явиться к Айвару. Злобный, но тупой враг, Тауринь не может понять всей несокрушимости враждебного ему нового строя. Ему кажется, что у него есть еще какие-то надежды на спасение, какие-то аргументы для разговоров с Айваром. Он бормочет бессвязные слова о том, что у большинства своя правда, а у него — своя и что его вина, если эти люди правы противоположны. Он говорит это, сжимая нитовые в кармане револьвер, по своей тупости все еще надеясь, что его слова могут произвести впечатление.

— Правда может быть только одна, — в лицо Тауриню отвечает Айвар.

Через минуту Тауринь, пытаясь застрелить своего бывшего приемного сына, со скрученным руками лежит на полу. — Кто этот человек? — спокойно спрашивает вошедший Ян Лигум. — Это Рейнис Тауринь, — отвечает Айвар.

Автор об этом не пишет, но я, как чи-

татель, мысленно представляю себе, как Ян Лигум, глядя на этого лежачего на полу старого, седого волка с обломанными зубами, вспоминает свою первую встречу с ним — молодым кулаком в шегодеватом полушубке из темноселеного сукна и фетровых сапогах, с натянными на него худощавым злом лице, требующим, чтобы волчки бесплатно погрузили ему лес на шатаформах...

— Правда может быть только одна, — эта фраза как бы подготавливает путь, который прошел Айвар на страницах романа, а вернее сказать, — в жизни.

Образ Айвара занимает свое значительное и интересное место среди целого ряда других образов романа. В линии его судьбы, так, как она проведена в романе, есть известный элемент исключительности. Сын батрака-революционера, оставшись в положении сироты, он попадает в приемные сыновья к кулаку. Автор постоянно стечение обстоятельств, нечасто встречающееся в жизни. Однако, мне думается, за художником всегда остается право и на такую особенность, не часто встречающихся в жизни, если он, вопреки, показывает эти обстоятельства правдиво и достоверно, а во-вторых, развертывая судьбу своего героя, при наличии даже великого стечения обстоятельств, умеет показать существенные и значительные социальные явления, важные и необходимые картины жизни, закономерно входящие в большую раму общего повествования.

Стечение обстоятельств, по которому Айвар попадает на воспитание в Тауриню, описывается в романе, как случай правдивый, вполне вероятный на фоне той конкретной жизни, которая описана в книге. В дальнейшем главный интерес при разработке образа Айвара для писателя представляет то, как Айвар уходит из-под влияния Тауриня, как он борется со своим приемным отцом, и здесь уже дело не в исключительности сложившихся обстоятельств, а в таком громадном и основополагающем обстоятельстве, как рост народной силы в Латвии, как превращение Латвии в Советскую республику, как помощь Советского Союза, позволяющая Латвии встать на путь социалистического строительства. Именно это ведь принципиально обусловило самую возможность отрыва Айвара от Тауриня, его прихода в другой лагерь.

У нас в литературной критике иногда поверхностно, схематически судят о типичности или нетипичности того или иного явления или образа. Это подчас при-